

ФИЛОСОФИЯ И ЭТИКА ПРАВА

В. И. Пржиленский*

Модернизация концептуальных оснований российского права: аксиология, логика, прагматика¹

***Аннотация.** В статье рассматривается современное состояние концептуальных оснований российского права с точки зрения возможности преодоления ценностно-мировоззренческой дихотомии в определении аксиологии, логики и прагматики данных оснований. Отдельно рассматривается теория справедливости Дж. Роулза, взятая в качестве наиболее влиятельной политико-правовой философии Запада, а также ее альтернатива в лице евразийской философской мысли. Анализируется способность евразийского понимания государства и права составить конкуренцию либерализму и неоконтрактивизму Дж. Роулза. Показывается ограниченность как первой, так и второй альтернативы и обосновывается необходимость учета каждого из векторов развития концептуальных основ современного российского права.*

***Ключевые слова:** концептуальные основания, российское право, евразийство, вестернизация, модернизация.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.106.9.011-018

Среди концептуальных оснований российского права выделяются два больших блока, имеющих разную природу. К первому блоку оснований можно отнести исторические, цивилизационные, социокультурные, этноконфессиональные, административно-политические детерминанты сложившейся в России системы права, характеризующие ее уникальность. Второй блок оснований представляет собой набор философских и научно-теоретических представлений о природе права, сформировавшийся в процессе взаимодействия с внешним

миром, и прежде всего с европейскими странами, чье политико-правовое и хозяйственно-экономическое развитие признано передовым. Этот блок возникает путем усвоения философских концепций и научных теорий, соответствующих идеалов и ценностей. Он сосуществует с первым, но это сосуществование рождает противоречия, заставляя власть периодически изменять приоритеты и делать выбор в пользу то одного, то другого. Не будучи в силах отказаться как от первого, так и от второго блока оснований, вся история российского права оказывается

¹ Статья написана при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках базовой части государственного задания на выполнение НИР по проекту 29.4813.2017/8.9.

© Пржиленский В. И., 2019

* Пржиленский Владимир Игоревич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) vladprnow@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

последовательностью сменяющих друг друга периодов движения то в одну, то в другую сторону. Вот уже более двух столетий это противоречие является одной из центральных тем в развитии отечественной философии.

Разнообразные экономические, политические и административные соображения господствующей элиты заставляют российское право колебаться между вестернизацией и обособлением. В этой статье тема теории справедливости как феномена научной жизни тесно переплетается с темой теории справедливости как интеллектуального вызова, оценка которого связана с целым рядом социально-политических и культурно-цивилизационных контекстов. Следует отметить, что о теории справедливости написано немало, и содержание книги Д. Роулза отечественными авторами разобрано довольно основательно².

В одной из частных бесед автор слышал, как американские философы сравнивали эту книгу с немецкими учебниками по философии права, что неудивительно: термин «справедливость» употребляется юристами как вполне понятный им профессиональный юридический термин. Но философии права сегодня нет ни в американской, ни во французской системе правового знания, а в российской науке философия права институционально существует лишь «внутри» теории права и государства. А сами российские философы, за редким исключением, не очень-то стремятся к обсуждению проблем юридического знания и в еще меньшей степени привлекают для этого собственно философские средства и методы.

Публикация «Теории справедливости» Д. Роулза на русском языке также стала событием, хотя специалистам по западной политической философии она, конечно же, была известна и прежде. Само название выглядело довольно неожиданно для тех, кто был воспитан в традиции советского обществознания. Путаясь в сложнейших конструкциях, связывающих общенаучные теории с частнонаучными, эпистемологи и методологи тщательно избегали самой

возможности говорить о философских теориях, предпочитая измерять «атомы» и «молекулы» историко-философского знания при помощи таких величин, как понятие, концепция, учение, школа или направление. В крайнем случае использовались такие термины, как «система», но уже в 90-е гг. это выглядело как анахронизм — немецкая классическая философия перестала задавать стандарты и нормы словоупотребления. И вот опять теория. Дисциплинированный ум сразу же требует продолжения, способного исправить возникшую неловкость. Например, следует ли ждать теории свободы, теории ответственности, теории блага, то есть речь идет о реформатировании этики, когда отменяются целостные теории, а их место занимает каскад теорий: каждой категории по теории. Но, может быть, речь идет не о моральной, а о политической теории, теории государства и права? Или теория справедливости манифестирует сворачивание этики, политической философии, теории государства и права, других наук? Совсем как в случае с К. Марксом, который определял исторический материализм как проект, прекращающий существование истории, экономики, философии, права как отдельных, несамостоятельных дисциплин. Может быть, именно в контексте дисциплинарно-научоведческой полемики с историческим материализмом и следует искать понимание этого словосочетания?

Наряду с названными соображениями, возникает вопрос об адекватности перевода самого названия на русский язык. Действительно, «A Theory of Justice» можно было бы перевести на русский язык и как «теория правосудия». Примечательно, что ни пресловутая Википедия, ни современные толковые или профессиональные словари не определяют русское слово «юстиция» как «справедливость». Обращение же к латинской этимологии в данном случае не совсем уместно, раз эта этимология не закрепились ни в филологических, ни в философских, ни в юридических словарных толкованиях. Так, если обратиться к профессиональным словарям юристов, то под юстицией предлагается пони-

² См., например: *Алексеева Т. А.* Справедливость. Морально-политическая философия Джона Роулза. М., 1992; *Кузьмина А. В.* Идея справедливости в либеральной традиции. М., 1998.

мать либо правосудие, либо судопроизводство, либо систему государственных учреждений, осуществляющих правосудие. Но любой перевод данного словосочетания на русский язык одинаково порождает чувство недоумения у всех тех, кто не знаком с англоязычной литературой, а перед российскими обществоведами ставит нерешаемую задачу дисциплинарной рубрикации. «Теория справедливости» Д. Роулза обычно включается в учебные курсы политологии, политической теории, теории государства и права, философии права, этики и др. И это при том, что сам автор не использует такие термины, как «политическая теория» или «философия права».

Но недоумение вызывает не только название. Определение справедливости как честности требует немалых герменевтических усилий, так как лишь внешне имитирует определение. Автору этих строк не раз приходилось сталкивался с изумлением тех, кто впервые узнавал, что Д. Роулз определяет справедливость как честность (*figeness*). Ведь в учебниках и словарях справедливость — это этическая категория. Как, впрочем, и честность. Что же тогда перед нами такое? Может быть, девиз? Или афоризм, метафора, что-то еще в этом же роде? Понятие справедливости вполне себе определяется в рамках этики как одна из фундаментальных этических категорий. Правда, в различных дефинициях справедливость выступает то как моральная санкция, то как понятие о должном, то как мера соответствия между деянием и воздаянием, то как принцип распределения ограниченных ресурсов. Поиски родового понятия не мешают в этих случаях давать и полагающиеся в соответствии с логическими требованиями видовые отличия. А вот Д. Роулз просто отождествил два этических понятия и из этого «короткого замыкания» родилась новая наука, которая не есть ни политическая теория, ни философия права, ни этика. Отсюда и легкое замешательство отечественных исследователей: к какой секции, к какому сектору или к какой специальности можно причислить исследование данной теории?

Еще книга Д. Роулза специалистами нередко квалифицируется как ответ марксизму, ответ долгожданный и, что вполне ожидаемо, наде-

лавший много шума. Идеологии, технологии и политические доктрины, опиравшиеся на марксизм, выглядели куда как более предпочтительно, потому что их создатели, в отличие от речей и действий своих оппонентов, декларировали и в некоторой степени опирались на полуфилософскую, полунучную теорию, иногда именуемую научным коммунизмом. Противники марксизма, напротив, апеллировали к ценностям, обоснование которых находилось в традиции, в религии либо в циничной этике утилитаризма. Здесь же предлагался вариант, казавшийся не менее научным, чем учение марксистов. Более того, заявленные Д. Роулзом в качестве методологических оснований теории игр и принятия решений должны были отчетливо показать, что предлагаемая «теория» опирается на достижения науки XX в., что выгодно отличало ее от весьма устаревшего фундамента марксизма.

У трудностей перевода книги Д. Роулза может быть весьма тривиальное объяснение: культурные и академические отличия американских толковых и терминологических словарей от российских обусловлены различиями между континентальной и англоязычной философскими традициями, помноженными на непреодоленный опыт развития научно-образовательного сообщества в условиях изоляции. Однако есть и другой вариант объяснения, согласно которому «Теория справедливости» не только и не столько теория, находящаяся в ряду политических, правовых или иных теорий, объясняющих мир. Скорее это социальная технология, имеющая своей задачей если не изменить мир, то по крайней мере способствовать росту его управляемости, контролируемости, предсказуемости. Другими словами — теория справедливости как социальная технология может и должна изучаться не на предмет ее способности объяснять одни события и предсказывать другие, а в связи с ее способностью концептуализировать некие ценности, цели или интересы. Точно так же, как и возможный ответ на вызов, порожденный книгой американского теоретика, должен начинаться с поиска ценностей, целей или интересов, которые уже есть, уже существуют и всего лишь ждут собственной концептуализации.

Сегодня многие пишут о том, что первобытные люди освоили ту или иную технологию, например технологию изготовления каменных топоров, технологию плавки железа и т.п. По именам археологических культур нередко называют и технологии, например технология кловис³. Такая технология способна передавать знания, неотделимые от умений, компетенция транслируется путем длительного копирования под руководством уже владеющего ею учителя. Конечно же, ее можно подсмотреть тайно, но вряд ли этого будет достаточно для того, чтобы ею овладеть. О ней невозможно просто рассказать, ее обязательно необходимо показывать, развивать необходимые навыки, приобретать опыт, да и сам язык вряд ли делает возможным непосредственную передачу технологии.

В узком смысле технология — это специальное знание, позволяющее воспроизводить условия, при которых профессиональные и социальные практики давали бы некоторые заранее заданные результаты. Это знание, выделенное из разных предметных сфер теоретического и прикладного знания и еще дополненное *ad hoc* знанием. Это знание, построенное на основе теории, но «покинувшее» пространство теоретического, отчужденное от него и намертво присоединенное к практике. Но если способность производить и воспроизводить орудия или институты в доисторическом и дотеоретическом мире базировалась на знании, неотделимом от умений, навыков, компетенций, то технологии в узком смысле слова включают в себя элементы, рожденные в разных сферах знания и подчинявшиеся различным принципам и законам. Гетерогенность технологического знания преодолевается в процессе создания технологии, когда элементы буквально притираются друг к другу или же одни подгоняются под другие.

Нередко технологии создаются на базе уже существующих практик, вырастают из стихийно сложившихся производств. Индустриальное общество связано с заводами и фабриками, деятельность которых немислима без техно-

логий, а в постиндустриальном обществе в оборот вводится понятие хайтека. Но собирание знаний из трех разных источников: из научной теории, ремесленной или аграрной практики и дополняющих эти два вида *ad hoc* знаний — становится возможно лишь после того, как они длительное время существовали отдельно друг от друга. Таким образом, технология — это посттеоретическое знание, где неожиданно встречаются и причудливо сочетаются фрагменты разных теорий и практик, соединение и взаимная адаптация которых становятся возможны лишь посредством их изменения, в том числе и весьма существенного. Все это в равной степени относится и к производственным, и к социальным технологиям.

Возможна ли в этих условиях теория справедливости именно как теория? Конечно же да. Просто сам способ изложения выглядит чересчур необычным, хотя и весьма привлекательным для тех, кто опять лишился теории, по которой можно было бы объяснять происходящее в настоящем и прогнозировать то, что может произойти в будущем. Еще в XIX в. отличие русской культуры, ценностей и смыслов стало едва ли не единственной темой, волновавшей русских философов. Но вот сформулировать на их основе концепцию вроде роулзовской всерьез никто не пробовал, если не считать исследования коммунизма А. А. Зиновьевым. Здесь уместно будет вспомнить П. Я. Чаадаева, чей эмоциональный тон как нельзя кстати при рассмотрении сложной и довольно абстрактной теории Д. Роулза. «Пускай поверхностная философия сколько угодно шумит по поводу религиозных войн, костров, зажженных нетерпимостью, — что касается нас, мы можем только завидовать судьбе народов, которые в этом столкновении убеждений, в этих кровавых схватках в защиту истины создали себе мир понятий, какого мы не можем себе даже представить, а не то что перенестись туда телом и душой...»⁴

Как известно, энтузиазм П. Я. Чаадаева разделяли не все. Но даже его активные оппоненты

³ Collins M. B. Clovis blade technology. A Comparative Study of the Keven Davis Cache. Austin. University of Texas Press, 1999.

⁴ Чаадаев П. Я. Философические письма // Соч. М., 1989. С. 30—31.

не отрицали необходимости социально-политической теории, которая объясняла бы прошлое и настоящее, а также позволяла бы не только прогнозировать будущее, но и ориентировать собственные действия в контексте этого вероятного будущего. Причем важной составляющей подобной ориентации является осознанное и просчитанное влияние на будущее. И если Россия оказалась страной победившего марксизма, то современные США можно считать страной победившего либерализма. Вот почему теория справедливости Д. Роулза независимо от воли ее автора выполняет роль теории, лежащей в основе глобального общественного развития всего западного мира. С этим нельзя не считаться как тем, кто безоговорочно признает американское лидерство, так и тем, кто призывает противостоять претензиям Запада на моральное, ценностное и социальное превосходство.

Между тем весьма интересным может оказаться опыт других стран, также оказавшихся перед вызовом и попытавшихся понять, какую «теорию справедливости» они могли бы предложить в качестве собственной альтернативы. Так, тема сравнительного анализа теории справедливости Д. Роулза с собственными традициями понимания и обоснования справедливости была сформулирована в китайской компаративистике.

Среди тех, кто занимался критическим осмыслением марксизма, был и советский философ А. А. Зиновьев, который для объяснения феномена реального коммунизма ввел понятия коммунальности и коммунальных законов. Он определял коммунальные законы как правила поведения индивидов в процессе межиндивидуального взаимодействия. В отличие от Д. Хоманса или Д. Мида, которые строили модели и проецировали их на пространство теоретического знания, А. А. Зиновьев сформулировал свои правила на языке тех, кто ими реально пользуется: «меньше дать, больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почета; меньше зависимости от других; больше зависимости других от тебя... Прогресс человечества в значительной мере происходил как процесс изобретения средств, ограничивающих и регу-

лирующих действие этих законов, — морали, права, религии, прессы гласности, общественного мнения, идей гуманизма и т.д.»⁵.

Концепция А. А. Зиновьева содержит возможность рассматривать теорию справедливости Д. Роулза как инструмент, объясняющий (или же защищающий и легитимирующий) современное американское общество, и сформулировать альтернативную теорию справедливости, которая могла бы быть поставлена в соответствие современному российскому обществу. А. А. Зиновьев писал, что советское общество как социальный тип выросло из коммунальных отношений в условиях, когда члены общества не смогли в должной степени развить институты, ограничивающие действие этих законов. И если капитализм он называет обществом, в котором господствует экономическая рациональность, то реальный коммунизм демонстрирует торжество социальной или коммунальной рациональности. Разные задачи стоят перед американским и перед российским обществом — разные теории справедливости могут быть предложены их членам. Перед американцами стоит вопрос, как лучше устроить институты и как поточнее сформулировать цели, тогда как россияне заботятся совсем другое.

Исходя из гипотезы А. А. Зиновьева, главный российский вопрос, на который призвана была бы ответить теория справедливости, это вопрос о том, как обеспечить справедливость в условиях слабости и неразвитости институтов. А из него вытекает логически другой вопрос — о том, как надо понимать справедливость в теории справедливости коммунального общества, какой смысл она должна иметь и каким словом/понятием может выражаться. И будет ли это теория? Или же речь идет о дотеоретическом жизненном мире, где только и может возникнуть вопрос о сравнении двух справедливостей: русской и американской.

В русском языке слова «строгий» и «справедливый» связаны поговоркой «строгий, но справедливый». Сегодня автора этой поговорки найти уже невозможно — ее автором является весь русский народ. Быть может, именно она

⁵ Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. М. : Центрполиграф, 1994. С. 64.

проясняет смысл и значение этого слова лучше, чем любые словарные определения. Из этого, конечно же, не следует, что понимание справедливости как строгости допускает нечестность со стороны одной из сторон оцениваемого отношения. Сам вопрос о честности лишается смысла там, где категория справедливости актуализируется вне оценки взаимоотношений двух субъектов. Именно так происходит в нашем случае, когда при помощи слова «справедливость» оценивается не взаимоотношение между взаимодействующими субъектами, а отношение субъекта к объекту, то есть отношение командира к своим солдатам, власти — к своим подданным, отца — к своим детям и т.д.

Даже в ряду других культурных взаимодействий Востока и Запада опыт России выглядит экстраординарным. Слишком органичным представляется взаимное проникновение двух разнородных систем. Своеобразным, «срединным» вариантом нахождения своего пути государственности в клубках времени стало течение евразийства. Данное социальное направление получило максимальные точки интеллектуального всплеска в России дважды — в начале и в конце XX столетия. И в первом, и во втором случае речь шла о прохождении Россией точек государственного излома и об остром поиске в связи с этим своей идентичности.

У истоков евразийства стояли Н. Н. Алексеев, П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Г. В. Флоровский. Получила широкое распространение следующая декларация евразийцев: «Русские люди и люди народов “Российского мира” не суть ни европейцы, ни азиаты. Сливаясь с родною и окружающей нас стихией культуры — мы не стыдимся признать себя евразийцами»⁶.

Именно у евразийцев мы находим идею обязательственного государства, которая покажется чуждой для человека западного мира. Философия евразийцев базируется на противопоставлении органицистского, холистского подхода к обществу и истории, характерного для Востока, и подхода механицистского, «атомарного», «индивидуалистического», «контрактного», характерного для Запада.

С иронией Н. Н. Алексеев указывает на тот факт, что под «общей теорией права» западные юристы понимают «общую теорию западного права», оставляя вне сферы рассмотрения все альтернативные юридические модели, которые, однако, распространены и до сих пор среди народов, составляющих большую часть человечества, а кроме того, существовавшие и на самом Западе в иные исторические эпохи.

Но что же противостоит концепции права в альтернативных социальных моделях? Концепция обязанности. На этом Алексеев останавливается подробно. Приводя в пример социальную историю Руси, он очень точно употребляет старый термин «тягловое государство» — государство, строящееся на принципах доминанции обязанностей.

В наиболее чистой форме такая «тягловая система» вообще не знает и не признает никаких прав, но повсюду утверждает только обязанности. Это вытекает из философской установки традиционного общества, которая рассматривает индивидуума как часть целого, как несамостоятельную и несамодостаточную проекцию на единичное всеобщего. Отсюда индивидуум представляется лишь частичкой единого целого — церкви, государства, народа, нации, общины. Это — общинный принцип, принцип предшествования общего в формировании целого.

Фактически возникают две возможные теории права. В одной фигурируют индивидуумы как частное и договорное сообщество, как продукт связей частного. Соотношение между ними и индивидуумов между собой и составляет содержание права, как его понимает Запад. Предельным выражением такой конструкции является теория «правового государства» и «прав человека» (это последнее вообще не предполагает государства, которое в данном случае можно заменить какой-то иной формой ассоциации, что приводит к современным теориям «мондиализма», «мирового правительства» и т.д.).

Вторая теория права имеет дело не с индивидуумами («неделимыми»), но с персонами, личностями, так как термин «персона» на греческом означает «маска» и применяется для

⁶ Евразийская хроника. Вып. V11. Париж. С. 43.

характеристики участников трагедии. Русское «личность» — этимологическая калька с греческого, и означает оно более «функцию» и «роль», «маску», а не самостоятельную и суверенную, автономную единицу. Эти личности-маски являются дискретными формами выражения единого — общины, народа, государства. Они выполняют «тягловую функцию», «тянут лямку» общественного бытия, которая так тяжела именно потому, что речь идет об операции со всеобщим, с целостным, единым. Общественное поле каждой личности в «тягловом государстве» заведомо сопряжено с полнотой весомой онтологии. Здесь все служат всему, осуществляя роль, заданную целым, и имея в качестве награды онтологическую постоянную перспективу полноценного соучастия в этом целом, возможность неограниченного черпания из этого целого бытийных сил и душевного покоя.

Не является исключением в «тягловом государстве» и сам суверен, василевс, тот, кто является носителем права по преимуществу в западной концепции задолго до Просвещения и либерализма. Евразийский царь, царь органицистского общества — такая же персона, маска, такая же тягловая фигура, как и все остальные. Он служитель общего бытия, а следовательно, он первый, кто чувствует на себе все бремя он-

тологического служения. Царь более обязан, чем все его подданные. Он лично ответствен за бесперебойное функционирование всех остальных личностей. Он не собиратель тягловой дани, а надсмотрщик, «епископ» общего бытийного предприятия, которое ему поручено чем-то высшим, нежели он сам, в отношении чего сам он — лишь маска и роль, функция и служитель⁷.

Если следовать логике евразийцев, авторы Конституции РФ 1993 г. лгуны, следующие против исторического прошлого своей страны. В статье 1 Конституции РФ им следовало бы закрепить следующую декларацию: «Россия есть демократическое федеративное обязательственное государство с республиканской формой правления».

Но возможно ли это практически и оправдано ли исторически? Скорее нет, чем да. Хотя тягот российский народ пережил столько и такого качества, которые для других народов и наций покажутся невыносимыми. Очевидно, что модернизация концептуальных основ не может опираться ни на философию евразийцев, ни на идею отождествления модернизации с вестернизацией. Но оба эти вектора нельзя игнорировать, потому что они отражают глубинный социальный, политический и культурный интерес всего российского общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. — М., 2000.
2. Алексеева Т. А. Справедливость. Морально-политическая философия Джона Роулза. — М., 1992.
3. Евразийская хроника. Вып. VII. Париж. — URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/> (дата обращения: 26.05.2019).
4. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. — М.: Центрполиграф. 1994.
5. Кузьмина А. В. Идея справедливости в либеральной традиции. — М., 1998.
6. Пржиленская И. Б. Жизненный мир и целевые установки российских студентов // Ценности и смыслы. — 2016. — № 4 (44). — С. 22—29.
7. Пржиленская И. Б. Информационное общество и социальная модернизация // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2006. — № 3 (22). — С. 14—18.
8. Ролз Дж. Теория справедливости. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995.
9. Сергодеева Е. А. Рациональность современного философского дискурса // Гуманитарные и юридические исследования. — 2014. — № 2. — С. 135—138.

⁷ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 2000. С. 293—295.

10. Сергодеева Е. А. Социально-коммуникативный характер научной деятельности // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. — 2014. — № 6 (45). — С. 314—317.
11. Чаадаев П. Я. Философические письма // Соч. — М., 1989.
12. Collins M. B. Clovis blade technology. — A Comparative Study of the Keven Davis Cache. University of Texas Press, 1999.

Материал поступил в редакцию 30 апреля 2019 г.

MODERNIZATION OF CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF RUSSIAN LAW: AXIOLOGY, LOGIC, PRAGMATICS⁸

PRZHILENSKIY Vladimir Igorevich, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Sociology of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
 vladprnow@mail.ru
 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article explores the current understanding of the conceptual foundations of Russian Law in the context of possibility of overcoming the values-worldview dichotomy according to the determinations of axiology, logic and pragmatics of the foundations under consideration. Also, the author considers John Rawls' Theory of Justice taken as the most influential political and legal philosophy of the West, as well as its alternative represented by Eurasian philosophical thought. The article analyzes the ability of the Eurasian understanding of the State and Law to compete with liberalism and John Rawls' neoconstructivism. Narrowness of both the first and the second alternative is shown and the necessity of taking into account each of the vectors of development of conceptual foundations of modern Russian Law is substantiated.*

Keywords: *conceptual foundations, Russian Law, Eurasianism, Westernization, modernization.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev N. N. Russkij narod i gosudarstvo. — М., 2000.
2. Alekseeva T. A. Spravedlivost'. Moral'no-politicheskaya filosofiya Dzhona Roulza. — М., 1992.
3. Evrazijskaya hronika. Vyp. VII. Parizh. — URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/> (data obrashcheniya: 26.05.2019).
4. Zinov'ev A. A. Kommunizm kak real'nost'. — М. : Centrpoligraf. 1994.
5. Kuz'mina A. V. Ideya spravedlivosti v liberal'noj tradicii. — М., 1998.
6. Przhilenskaya I. B. Zhiznennyj mir i celevye ustanovki rossijskih studentov // Cennosti i smysly. — 2016. — № 4 (44). — С. 22—29.
7. Przhilenskaya I. B. Informacionnoe obshchestvo i social'naya modernizaciya // Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki. — 2006. — № 3 (22). — С. 14—18.
8. Rolz Dzh. Teoriya spravedlivosti. — Novosibirsk : Izd-vo Novosibirskogo un-ta, 1995.
9. Sergodeeva E. A. Racional'nost' sovremennogo filosofskogo diskursa // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. — 2014. — № 2. — С. 135—138.
10. Sergodeeva E. A. Social'no-kommunikativnyj harakter nauchnoj deyatel'nosti // Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. — 2014. — № 6 (45). — С. 314—317.
11. Chaadaev P. Ya. Filosoficheskie pis'ma // Soch. — М., 1989.
12. Collins M. B. Clovis blade technology. — A Comparative Study of the Keven Davis Cache. University of Texas Press, 1999.

⁸ The article has been funded by the Ministry of Education and Science within the framework of the basic part of the state task for the implementation of research project 29.4813.2017/8.9.